

Полковник Гуров

Николай Леонов

Разменная монета

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Разменная монета / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Оборотень – это не зверь. Он гораздо страшнее зверя. И след его всегда пахнет кровью... Знаменитый сыщик Лев Гуров не подозревал, что старый его друг и напарник Стас Крячко однажды станет «оборотнем». И окажется в тюремной камере по обвинению в убийстве молодой девушки. Хорошо зная Стаса, просто невозможно поверить в то, что он способен совершить такое. Распутывая по ниточке грязный клубок этого дела, Гуров приходит к выводу, что Крячко дьявольски изощренно подставили. А причина, конечно, – месть. Значит, надо искать того, кто затаил на Стаса обиду. Фигуранта одного из прежних уголовных дел, который недавно вышел на свободу... Книга также выходила под названием «Свинцовый аргумент».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Разменная монета

Пролог

Дверь следственного изолятора бесшумно открылась, и к седовласому капитану, мирно дремавшему за столом, подошел молоденький прапорщик Коробец.

– Олег Леонидович, – осторожно окликнул он спящего.

Капитан быстро поднял голову, которая всего секунду назад беспомощно лежала на его запястьях, и часто заморгал глазами, пытаясь прогнать остатки сна.

– Чего тебе? – немного недовольно спросил офицер.

– Там какой-то мужик в штатском, – негромко произнес Коробец. – Рвется к подозреваемому. Я его не пустил.

– Кто он? Кем представился? – спросил капитан.

Он поднялся из-за стола, слегка одернув китель, поправил галстук и уставился на фуражку.

– Гуров, говорит. Лев Иванович. Пришел к полковнику, подозреваемому в убийстве. Я говорю ему: «Вы знаете, сколько времени?» А он говорит: «Знаю. Два часа ночи». И все. Он там, у турникета. Требуется, чтобы я вызвал старшего... Ну, то есть вас.

Капитан больше ни разу не посмотрел на прапорщика, надел фуражку, заломив ее на затылок, и не спеша вынул из кармана грохочущую связку ключей. Затем достал сигарету из помятой пачки, сунул ее в зубы и пошел на проходную, едва заметно прихрамывая. Прапорщик оказался на голову ниже своего начальника. Он вздохнул, подозревая что-то недоброе для себя лично во всей этой нештатной ситуации, и последовал за капитаном.

Когда капитан с опухшими глазами, густыми седыми усами и воспаленными белками глаз вышел к ночному гостю, произошло совершенно неожиданное для молодого прапорщика. Капитан подошел к незнакомому коренастому человеку, крепко пожал ему руку и негромко сказал:

– Приветствую вас, Лев Иванович...

– Привет, – недобро и немного укоризненно буркнул Гуров, поглядев на капитана исподлобья, как он обычно смотрел на человека, который в чем-то провинился.

– Ну что вы на меня так глядите? – сконфуженно спросил капитан. – Я, что ли, его сюда привез, Лев Иванович? Привезли, сунули в камеру... А я хожу приглядываю. У меня работа такая. Пойдемте, я проведу, – буднично и несколько уныло предложил капитан, увлекая за собой Гурова.

Они прошли мимо прапорщика так, словно его не было при этом разговоре, и потому тот отдал Гурову честь без особой охоты. После чего капитан бросил на подчиненного крысиный взгляд, сказав с явной безнадегой в голосе:

– Запомните, товарищ прапорщик, этого человека. Руководителей, начальников и оперов нужно знать в лицо.

Гуров бросил на прапорщика понимающий взгляд. Такой, как если бы новичок ошибся с именем-отчеством большого руководителя. После этого они с капитаном загрохотали в пустом коридоре решетчатыми стальными дверями.

– А пропуск оформлять? – крикнул им вслед прапорщик Коробец.

– А если он за ночь девять раз придет, пять раз один и четыре с адвокатом? – спросил у него Олег Леонидович и, не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, пошел дальше по

коридору вслед за фигурой неведомого Коробцу Гурова, которого здесь, выходит, все знали и уважали так, что хоть фуражку ломай перед ним.

– Новичок, – спокойно сказал капитан, не углубляясь в анализ поведения своего подчиненного.

Прапорщик молча выслушал наставления капитана, кивнул и задумался.

– Вы что? Не показывали ему удостоверение? – спросил капитан Гурова.

– Он даже не спросил его у меня, – строго и безразлично ответил Гуров, подходя к крайней камере, той, где обычно держали задержанных сотрудников правоохранительных органов.

– Но ведь ночь, товарищ капитан. Условия повышенной бдительности, – не унимался Коробец.

– Хватит орать! Спать охота! – крикнул кто-то из камеры. – Разорались...

– Ночь? – переспросил капитан, сообразив, что Коробец так и не понял, кто такой Гуров. – Вот и приготовь им кофейку да принеси по две чашки. Чтобы завтра не вылететь с работы, – он пожитейски подмигнул своему подчиненному. – В двадцатой камере.

Последнее высказывание было адресовано Гурову. Полковник кивнул. Звякнул запор.

– Есть! – без особого энтузиазма буркнул прапорщик и пошел запирать двери проходной, а также готовить кофе и, если потребуют, бутерброды. А если еще сильнее потребуют, он и в магазин побежит за тем, за чем послан будет.

Крячко не спал. Он, прикрыв глаза и вытянув ноги на нарах, мучился одним единственным вопросом. Кто? Кто так ловко его подставил?

Капитан пропустил Гурова в камеру, посмотрел на часы и хрипло сказал:

– Давайте в темпе, мужики. Все-таки, если разобраться, это я нарушаю устав, а не мой прапор.

После этого он замкнул камеру на замок.

Гуров подошел к лежавшему на спине Крячко. Станислав открыл глаза. Гуров заглянул в них и увидел то глубокое чувство безнадежности, которое переполняло сердце его товарища, все понял, и они просто молча пожали друг другу руки. Гуров постоял еще немного подле неподвижно лежавшего в депрессии друга и соратника, а потом перешел к противоположным пустующим нарам и сел, устало скрестив между собой пальцы рук. Говорить было трудно, поэтому оба молча глядели друг на друга. Так прошла минута или даже чуть больше. Подниматься Крячко не хотел, но все же сел. Волосы на его голове были растрепаны и сбились на правый бок.

Гуров, осмотрев помещение, с щемящей грустью подметил:

– Телевизор бы сюда.

Он вроде бы пошутил, но тут же почувствовал, что невинная на первый взгляд реплика пришлась явно не к месту и не ко времени.

Стас потер лоб, с досадой добавив:

– Да, хорошо бы. А еще вина и балеринку.

Оба немного посмеялись.

– Ловко они меня, – сказал Крячко. – Чисто. Не подкопаешься.

Гуров тем временем вспоминал их дела за последнюю пару лет. Как известно, дыма без огня не бывает. Следовательно, где-то должен был отыскаться и тот, кому могло быть выгодно нынешнее плачевное положение, в котором оказался полковник Крячко.

– Кто это? – в тон товарищу спросил он. – Как ты думаешь?

– Что тут думать? – вздохнул Станислав. – Кто-нибудь из отсидевших из-за меня припомнил. Или какой-нибудь свежий человек постарался, с которым я должен был столкнуться со дня на день.

Гуров достал сигареты, зажигалку и бросил их на табуретку. Они закурили. Лев Иванович поднялся, отошел к окну. За решеткой стояла темная осенняя ночь. Вновь потянулись напряженные минуты молчания и раздумий.

– Так, ладно. Давай по порядку, – неожиданно бодро сказал Гуров. – Сначала рассказывай, как все случилось. Потом думать будем, что мы имеем.

– Основная версия такова. Крячко Станислав, полковник Главного управления уголовного розыска, раскаивается в том, что убил, находясь в невменяемом состоянии, гражданку Пискунову, выбросив ее в окно с девятого этажа. За то, что она отказалась вступить с ним в интимную связь после совместного распития спиртных напитков...

– Основная так основная, – не стал спорить Гуров. – А было-то как на самом деле? Ты мне расскажешь? Ты особо-то не волнуйся, в наше время не расстреливают. Впаяют лет семь, а там, глядишь, пенсия, – улыбнулся он, с превеликой охотой затягиваясь сигаретой, словно сам отсидел в этой камере не меньше суток.

Он будто и не замечал легкого ожесточения в голосе Крячко.

– Я и не волнуюсь, – холодно ответил Стас. – Сроком меня не взять на понт.

Гуров еще немного похмыкал чему-то своему, и вдруг у него прорвалась на язык мысль, сидевшая в голове как заноза:

– Ты где ее раздобыл-то? Эту самую госпожу Пискунову?

Сыщик немного походил по камере и снова сел на свое прежнее место.

– Ты зря, – хмуро откликнулся Крячко. – Нормальная девчонка. Про нее ничего плохого не скажу. – Стас бросил на напарника недовольный взгляд.

– Вот как? – восторженно удивился Гуров, не зло, но как-то снисходительно закатив глаза. – А про кого скажешь?

Стас попытался погрузиться в воспоминания, но, видимо, снадобье, которое ему добавили в стакан, легло тяжким параличом на его память.

– Не знаю я, – сердито отмахнулся он. – Я только в отделении пришел в себя. Что там было за пойло?.. Не пойму. Девчонку я отбил у пацанов, которые начали ее избивать.

– А она с ними связана?

Гуров понял, что пока рано расспрашивать друга и соратника о весьма болезненных подробностях происшествия.

– Вроде нет, – Крячко стряхнул пепел с кончика сигареты в алюминиевую банку из-под пива. – Мы с ней вместе шли из магазина. Немного поговорили. А потом... Потом эта драка, черт бы ее побрал. Все у нас во дворе и произошло. После я, естественно, пригласил ее к себе.

– Она, естественно, не отказалась.

– Лева, не надо пошлостей, – поморщился от дыма Крячко. – У нее была очень серьезная рана на ноге, которую требовалось сразу же обработать. Все было по-человечески.

– Да куда уж еще, – совершенно без всякого подначивания заметил Гуров. – Сколько было нападавших?

– Человека четыре, – морща лоб, ответил Стас и снова старательно его потер, словно на нем была болезненная шишка.

– Детали помнишь? – не отвязывался Гуров, чувствуя, что надо бы заканчивать с допросом.

Крячко следовало хорошенько отоспаться, прежде чем давать объяснения. Тем более когда речь идет об убийстве.

– «Сотка» «Ауди», – выдал Крячко. – Молодежь. Пили пиво, но, по-моему, все четверо были еще и под кайфом. Кокс или что-нибудь посерьезнее. Глаза, понимаешь, Лева?.. Ну и держались нагло. Хотя драться не умеют. Одним словом, наркоманы какие-то.

Глава 1

Крячко в тот вечер до темноты засиделся на работе. Как водится, в самый последний момент он вспомнил, что дома толком даже поесть нечего, а потому, как только добрался до своего района, направился в магазин.

Выйдя из супермаркета, Стас пошел вслед за молоденькой симпатичной девушкой, которая, громко стуча каблучками по сырому асфальту, шагала впереди его в направлении дома, где он и сам проживал. Она прикрывала длинные прямые темно-русые волосы серо-голубым зонтиком. С мудрой, уже не тревожащей его воображение грустью Крячко бесхитростно любовался еще не до конца сформировавшейся девичьей фигурой с тонкими ножками и старался от нее не отставать.

В магазине он набрал себе кое-что на ужин и в качестве десерта купил небольшой арбуз. Приобрел еще и пару бутылок чистящего средства. Каждые две-три минуты Крячко вздыхал о прошедшей молодости, о невозвратности былого времени, которого ему теперь никто не вернул бы ни за какие заслуги. И о том, что ему уже никогда не обнимать такого прекрасного стана со всеми вытекающими из этого последствиями. Холостяцкая жизнь напрочь лишила его всего этого. Хотя... Смотри как на это взглянуть. Да и когда ему было заниматься всем этим, если каждый день на голову, как снег, валились то ограбление, то разбойное нападение. А то и убийство...

Когда он в очередной раз вздохнул, девушка, не выдержав, обернулась и обратилась к нему, как к больному пенсионеру:

– Вам нехорошо?

Крячко оторопел от такого вопроса. Он даже остановился, не зная, как реагировать на ее слова.

– В смысле? – насторожился он.

Крячко показалось, что он нарвался на какую-то грубость, а он не любил отвечать на хамские выпады представительниц слабого пола.

– Ну, вы так тяжело вздыхаете...

– И поэтому вы решили мне вызвать «Скорую»? – иронично поинтересовался он, упрямо не опуская на асфальт свои тяжелые сумки.

– Почему? Просто я подумала...

– Не надо, дочка, думать. Я в полном порядке, – горько улыбнулся Стас. – Ступай-ступай.

– У меня есть капли.

– Для чего?

– От сердца.

Это уже был явный перебор. Не выдержав, Крячко все же расхохотался, переложив в левую руку обе сумки, а правой почесав в затылке.

– Милая, я не инвалид. Ты бы пригляделась ко мне хорошенько.

– Но вы так тяжело вздыхали.

– Возьми у меня одну сумку, и я посмотрю, как будешь выглядеть ты, – Крячко добродушно рассмеялся, задрав на лоб бесцветные брови.

Девушка тоже рассмеялась и удовлетворенно отвернулась, бойко зашагав вперед. Крячко снова последовал за ней. Вскоре они свернули в одну и ту же арку, ведущую во двор его дома, и, уже не обращая на свою сердобольную попутчицу внимания, Крячко погрузился в анализ последнего дела, которое они с Гуровым никак не могли пока распутать. Но едва они оказались во дворе, как на них обрушилась ритмичная монотонная музыка. Она грохотала, как канонада, заставляя дребезжать даже стекла окон.

Во дворе, нагло перегородив дорогу, стояла старенькая «Ауди-100» цвета металлик. Левое крыло машины было погнуто и замазано автошпаклевкой. Нижняя часть кузова буквально вся была ободрана грубой наждачной бумагой. Все четыре двери распахнуты.

Двое молоденьких парней, явно навеселе, стояли у машины и мочились на ее заднее колесо. Еще пара стояла у багажника, на котором возвышались несколько бутылок пива. Здесь же на клочке газеты лежала их небогатая закуска. Сыр, колбаса, консервы. Вторая пара стояла, держа на изготовку пластиковые стаканчики и ожидая своих товарищей. А в салоне иномарки то ли спал, то ли медитировал еще один затаившийся тип, лицо которого рассмотреть было практически невозможно. Откровенно говоря, Крячко при случае и сам бы не смог толком их описать. Было довольно темно. Компания была незнакомой. Свою местную шпану Крячко знал наперечет.

Девушка приостановилась, и Крячко подошел ближе к ней. Он еще плохо понимал, что творится за ее спиной, да ему и не до этого было.

Мелкий дождь молотил по мокрому блестящему корпусу автомобиля, но выпивающую молодежь это обстоятельство несколько не тревожило.

– Дорогая, не поддержишь компанию? Без прекрасного пола у нас дело не идет, – обратился к девушке один из парней, рыжий, курносый, с рябым веснушчатым лицом.

– Я вам не компания, – строго ответила девушка.

– А что такое? Разве мы плохие парни? – обиделся тот.

Он был высок, широкоплеч, демонстративно как следует не застегнув брюки, пытался привлечь к себе внимание девушки. Наконец он застегнул ширинку и, пошатываясь, стоял в повернутой козырьком на затылок кепке, с густыми, словно окропленными кровью бакенбардами, в кричащей, с черепами и костями черной майке, поверх которой болталась не по размеру большая безрукавка. У него было узкое вытянутое лицо, выпуклые глаза, слюнявый кривой рот.

– У нас есть и сладкое, если водку пить боишься, – гаденько засмеялся он, явно намекая не только на спиртное.

Его приятель, стоящий рядом, громко заржал.

– Подойди, детка. А? – Он с ходу попытался расположить ее к себе столь незамысловатым способом.

Услышав последние слова, Крячко тоже остановился. Он поставил на асфальт тяжелые сумки, про себя подумав, что теперь ему уже не избежать столкновения с этими негодями.

– Елисей, давай ее к нам, – раздался голос третьего.

Он уже застегивал штаны, аристократически отведя вверх и в стороны мизинцы на еледвигающихся руках.

– Ну, вы скоро? – спросил один из тех двоих, что стояли у багажника «Ауди». – Сколько ждать?

Этот тип был в толстом свитере и широченных штанах. Близко посаженные глубокие глазницы прятались под массивными надбровными дугами. Он был небрит, голова наголо острижена, шея, покрытая плотным загаром, вся в белесых трещинах морщинок.

Стоявший с ним рядом товарищ с холеным лицом плейбоя носил усы и бороду. На нем была черная одежда, поэтому рассмотреть ее детали не представлялось возможным.

Парень, который пока еще стоял у колеса, только что завершил отправление своей естественной надобности. Он вытянул из кармана сигареты, демонстративно не глядя на девушку.

Тем временем попутчица Станислава в страхе остановилась и даже немного попятилась назад от вплотную подошедшего к ней Елисея.

Тот, что стоял у машины, был в белом, но мятом костюме, в черном джемпере и в черных мягких туфлях. Рукава пиджака он задрал почти до локтей, и было видно, как черны от волос его тонкие руки. Застегнув ремень брюк, молодой человек внимательно глядел, чтобы

не промахнуться с пьяных глаз мимо пачки, из которой он пытался вытянуть сигарету. На его руках было много украшений, на шее тоже что-то висело.

Ситуация с каждой секундой накалялась и грозила превратиться во взрыв необыкновенной силы. Один из парней, расположившихся у багажника, неожиданно выплеснул на землю пиво, отбросил от себя стакан и стремительно направился к рыжему веснушчатому детине. Крячко даже показалось, что он хотел исправить положение и успокоить своего товарища. Он молчал, когда шел, и, разумеется, было невозможно понять, что у него на уме. Но когда он поравнялся с Елисеем, то резко отодвинул его, толкнув в плечо, и тут же с ходу ударил девушку сначала левой, а затем правой рукой по лицу. Из тонкой девичьей кисти выскочил зонтик, и его ветром поволокло по асфальту.

– Давай не ломайся! Пригласили тебя как человека, так иди.

Удары были настолько сильными, что девушка взвизгнула от боли и пошатнулась, теряя координацию. Она попыталась убежать от напавшего на нее человека, но он не дал ей этого сделать, крепко схватив за запястье, и без разговора поволок к машине, как будто свою добычу. Одна нога у девушки подвернулась. Она упала на асфальт, и молодой человек волоком потащил ее к автомобилю, даже не глядя на то, что она в кровь разбивает колени. Девушка снова принялась кричать, но парень в белом мятом костюме пнул ее ногой в живот, и она обмякла, сразу же замолчав.

– Давай-давай, вали куда шел, – нагло, с нескрываемым презрением посоветовал Елисей, глядя на мужика, впавшего в ступор от увиденного.

Мужик этот был в легкой ветровке и клетчатой рубаше, с небольшим брюшком, нависающим поверх ремня, и, по мнению парня, не мог представлять для их группы никакой серьезной опасности.

– Проваливай, пока цел, лысая башка!

Крячко все еще стоял в некотором размышлении, явно раздражая этого типа своей бестолковостью.

– Что смотришь? Быстро взял свой мешок и смылся! – крикнул наконец на него молодой человек.

– Так мне же туда, – с виноватыми интонациями сказал Станислав, взволнованно облизнув пересохшие губы и указывая куда-то мимо машины.

– Обойдешься, – ответил ему Елисей. – Здесь нельзя ходить. Понял?

Крячко скривил виноватое лицо, наклонился к сумкам, достал из одной арбуз, сделал резкий шаг навстречу грубияну и с силой парового молота ударил его арбузом в нос. Тяжелое круглое орудие с плотной коркой грохнуло по лицу неприятеля, как баскетбольный мяч, и огненно-красный фейерверк брызг полетел во все стороны. Густая кашица перемешалась с арбузным соком, разукрасив с ног до головы Елисея, словно его окатили ведром воды. От такого удара молодой человек отправился в полет над асфальтом.

На этот звук обернулся парень в белом костюме. Он вдруг увидел, что к нему, пригибаясь к земле, словно боец группы «Альфа», бежит тот самый неповоротливый мужик, который до этого скромно болтался у девчонки на хвосте. Он подобно ветру налетел на своего нового противника, даже не дав ему себя ударить или хотя бы остановить. Парень в белом костюме запоздало взмахнул кулаками, но ни одно его проворное движение не угодило в цель. Он словно боролся с призраком. Крячко, не уязвимый для его ударов, сблизился с парнем на расстояние вытянутой руки и нанес резкий острый удар в область ребер, затем очень быстро и почти незаметно протиснулся у парня под мышкой и слегка ткнул его бедром на угол открытой двери, нанеся болезненную травму копчику.

Девушка без сознания лежала у заднего колеса машины, рядом с той лужей мочи, что оставили ее обидчики перед самым появлением потенциальной жертвы. В это мгновение рухнуло на асфальт лишенное чувств тело Елисея, о голову которого разлетелся сочный арбуз.

Завтра в областной больнице ему констатируют смещение третьего позвонка, сильное сотрясение мозга и потерю зрения на правый глаз.

Крячко перескочил через тело девушки и схватил за ворот свитера того парня, который был небрит и отсвечивал лысиной в падавших из окон дома лучах электрического света. Увлеченный истязанием девушки преступник даже не понял, кто перед ним возник. Он вообще не заметил, что за девушкой кто-то стоит. Крячко на одну секунду заглянул в его глаза. Они были оловянными от принятой дозы кайфа. Парень гневно зарычал, но оказался не готов к сопротивлению. Он только злобно оскалил рот, зубов в котором было в аккурат наполовину меньше того количества, которое выделено природой для человека, в ту же секунду получив по физиономии здоровенным многопудовым кулаком.

Все произошло быстро. Лысый даже не успел оправиться от первого удара, как Крячко снова схватил его за ворот. На этот раз парень попытался вырваться, но рука у Крячко была крепкая, вырваться из ее захвата было фактически невозможно. Повинуясь законам инерции, парень описал вокруг Станислава стремительную дугу, теряя равновесие. Крячко помог ему с еще одним полуоборотом, подсек под колено и шлепнул головой о магниевый диск колеса. Диск лопнул пополам, и в макушке несчастного засел один из крепежных болтов колеса. Удар был такой чудовищной силы, что парень отскочил от обода, как резиновый мяч, а потом, раскидывая руки, покатился по сырому асфальту.

В эту секунду Крячко почувствовал сильный удар по шее. Это была бутылка. Видно, с пьяного глаза последний из отморозков не попал Крячко по голове, в которую метил. Бутылка не раскололась, а, только завертевшись, улетела на детскую площадку. Удар был достаточно чувствительным, но не настолько, чтобы лишить Стаса сознания. Когда напавший на него парень схватил с багажника бутылку, он не учел того факта, что багажник не на замке. Его крышка тут же поднялась вверх. Увидев внутри огнетушитель, преступник попытался нанести им Крячко хоть какое-нибудь увечье, но так и не смог, сколько ни размахивал своим баллоном.

– Не подходи, сука! – вскричал он.

Крячко легко поймал придурка за руку, вырвал из нее злосчастный баллон, вскинул его над головой и опустил на макушку противника. Баллон отскочил от макушки со звенящим эхом. В нем лопнул предохранительный клапан, и из огнетушителя ударил поток химической пены. Крячко бросил баллон в багажник, отправил туда же оседающего на колени преступника, забросив его внутрь, как бодливого барана. Потом резко захлопнул багажник, отряхивая от пены руки и оставив несчастного наедине с работающим огнетушителем.

Мелкая неприятная морось усилилась и перешла в холодный осенний дождь, падавший острыми косыми нитями. Из багажника иномарки несколько раз бессильно ударили кулаком, потом человек, сидевший в нем, надсадно заорал, а Крячко беглым взглядом окинул поле боя и, смачно сплюнув, спросил:

– Чего им не хватает на свете? Кто мне ответит?

Станислав не обращался ни к кому конкретно. Вопрос был чисто риторическим. В нем был и упрек, и осознание того, насколько серьезны те травмы, которые он вынужденно причинил молодым отморозкам. Дождевые капли сыпались на неподвижно лежащие тела.

Крячко понял, что нужно остановиться и перевести дух. Он решил осмотреться, забрать с места происшествия свои вещи и уйти.

Вокруг валялись пять неподвижных тел. Неожиданно застонала девушка. Стас приблизился к ней и приподнял за плечи. Девушка очень медленно начала приходить в себя, некоторое время она только изумленно озиралась по сторонам, повторяя одно и то же:

– Что тут случилось? Я, кажется, потеряла сознание?.. – спрашивала она.

Крячко подал ей руку, и она поднялась с разбитых колен. Кровь сбегала в ее прорвавшиеся чулочки, замки на сапожках разошлись. Станислав перешел к салону автомобиля и заглянул внутрь. В правом от водителя кресле неподвижно сидел человек. Он был в наушниках от

плеера и отсутствующим взглядом пожирал одну и ту же точку где-то в темноте. Можно было бы подумать, что он вообще мертв, настолько безжизненно этот тип развалился в кресле. Но Крячко с трудом разглядел в темноте, что челюсти парня медленно пережевывают резинку. Он к происшествию не имел никакого отношения, хоть и прибыл в этот двор со своими приятелями. Взять с него было нечего. Он был либо совершенно пьян, либо находился в глубокой наркотической нирване.

Крячко машинально отметил его приметы. Худощавый брюнет с высоким лбом, овальное ухоженное лицо, прямой нос, усы, аккуратно подстриженная борода, немного выступающая вперед нижняя челюсть.

Крячко не стал тревожить паренька, обошел машину, заглянул с любопытством в кабину, протянул вперед руку, опираясь о руль, и, наконец, отключил орущую автомагнитоу. Потом погасил фары, вытянул портмоне с правами и техпаспортом и отошел от машины. Права он тут же раскрыл, пробежал по ним глазами, запомнил первую и вторую страницы, потом спрятал документы в карман. Вернулся к своим сумкам, подобрал их и медленным шагом приблизился к девушке.

Жертва уличного нападения, сморщив лицо от навалившейся на нее головной боли, коротким взглядом оценила незнакомого человека. На ногах ее кровоточило множество мелких ссадин и ранок. Крячко обратил внимание на то, как быстро ее одежда превратилась в порванные лохмотья. Станислав понял, что девушке немедленно нужна медицинская помощь.

– Вас били, – спокойно пояснил он. – Я имел честь заступиться за вас. Сейчас вызову «Скорую помощь», однако если у вас нет никакого желания ехать в больницу вместе со своими обидчиками, то я вполне удовлетворительно окажу вам первую медпомощь. У меня дома есть аптечка со всем необходимым. Раны достаточно глубокие, их требуется обработать. Да и вообще, вам нужно привести себя в порядок. Возражения есть?

Крячко заметил, что девушка находится в заторможенном состоянии, и отметил для себя, что это может быть признаком какого-нибудь временного нарушения нервной системы.

– Вы как? – сдавленным голосом спросил он.

– Ну... Как будто бы ничего, – безразлично, словно освобождаясь от тяжелого сна, ответила спасенная. – Только ноги разбиты и голова гудит...

Девушка молча подобрала свой зонт, который далеко отнесло от места событий холодным ветром. Он плавал в большой неглубокой луже.

– Вас как зовут? – спросил Крячко, обходя вместе с девушкой автомобиль.

Из одной сумки он достал вчетверо сложенную газету и прикрыл ею голову от разгулявшегося на шутку дождика.

– Наташа, – ответила она.

Девушка, стряхнула с зонта на землю влагу и песок. Затем вернулась к Станиславу, вся продрогшая и истерзанная. Наташа раскрыла над головой Крячко свой серо-голубой зонтик, чтобы мужчина больше не мок под дождем. Ветер волнами нагонял его косые струи, и поэтому оба, и полковник, и его спутница, поспешили прочь от этого злополучного места, чтобы, прибавок к неприятностям сегодняшнего вечера, еще и не простудиться.

– Убирайте газету, вас не намочит, – участливо посоветовала Наташа.

Вела она себя несколько замкнуто, но шла, тесно приблизившись к Стасу.

– Не люди, а уроды, – злобно произнесла она. – Голова у меня, как чугунная... Гудит вся. Куда мы? – уже совершенно другим голосом и достаточно спокойно спросила девушка.

– Ко мне, – ответил Крячко.

– Вы в этом доме живете?

– Вроде того.

– Это как розыгрыш какой-то... С трудом могу поверить, что вы так запросто уложили столько народу, – не скрывая своего удивления, сказала Наташа, обращаясь как бы сама к себе.

– Не запросто, а за вас. Это большая разница, – игриво откликнулся Крячко, изредка поглядывая, как девушка с трудом идет рядом с ним, припадая на правую ногу, явно прихрамывая.

Уже подходя к своему подъезду, Станислав достал сотовый телефон, набрал номер «Скорой помощи», потом быстро с профессиональной лаконичностью обозначил место преступления и число пострадавших, поторапливая медиков, чтобы те, не мешкая, выезжали.

Когда Крячко и Наташа скрылись в подъезде панельной громады, из неприметной беседки в непроглядных зарослях акации, которая густо разрослась в соседнем дворе, вышел главный зритель этого происшествия, мужчина лет сорока. Он долго медленно шел, словно опоздавший к поезду пассажир, потом так же долго осматривал место, на котором произошло жестокое столкновение, по-хозяйски оглядел машину. Этот человек был крепкого телосложения, с длинными мелко вьющимися волосами, затянутыми на затылке в хвост. У него были крупные резкие черты лица и злые, даже лютые глаза, которые хранили в своих глубинах потаенную от случайного взгляда месть. Казалось, что человек этот состоит из невидимых глазу мельчайших частиц своих грехов, которые будто материализовались в его внешности. Они сотворили из него всемогущее чудовище.

Крячко открыл дверь и по холостяцкой привычке довольно сильно толкнул ее в глубь темной квартиры, выдернув ключ из замка. Он вытер о лежавший у порога коврик сырые туфли, включил свет и бросил звякнувшую связку на трельяж.

– Мне тоже проходить? – улыбнувшись, спросила Наташа.

– Если хотите, стойте у порога. Рану я обработаю и там, – доброжелательно пошутил Крячко.

Наконец, включив везде свет, он вернулся в прихожую, помог Наташе снять верхнюю одежду и, присев на стоявший в прихожей пуфик, придиричиво принялся рассматривать изодранные ноги девушки.

Он внимательно осмотрел ссадины, осторожно поворачивая икры и колени девушки то в одну, то в другую сторону. Большая их часть требовала немедленной дезинфекции. Стас поднялся, взял девушку за руку, молча перевел в кухню, быстро усадил ее за кухонный стол, а сам отправился на поиски аптечки, которая у него, конечно, была, но редко попадалась на глаза и почему-то все время меняла место своего нахождения. Она оказывалась то за шкафом, то на серванте, то в ящике для грязного белья, то в одиночку, то в компании со старыми книгами на полках, куда Крячко отродясь не лазил.

Станислав придиричиво рылся среди старых вещей, одновременно собирая воедино разрозненные воспоминания о способах оказания первой медицинской помощи при подобных травмах. Он наконец отыскал аптечку, смахнул с нее пыль и отправился в кухню.

– Сейчас я вам обработаю раны, – сказал он. – Они глубокие, но не слишком опасные. К таким вещам надо относиться очень внимательно.

Крячко рылся в замках пластмассового ящичка.

– У вас не найдется чего-нибудь выпить? – спросила Наташа.

– Тоник? Спрайт? – спросил в свою очередь Крячко.

– Подойдет, – ответила она. – Хотя я бы не отказалась и от чего-нибудь покрепче.

– Вас понял, – улыбнулся Крячко. – Я, пожалуй, тоже чего-нибудь выпью. Надо же, просто ужас что творится на улицах. По ночам хоть не выходи из дома. Одна шпана.

– Я с трудом верю вашим словам. Судя по всему, вас тут все боятся как огня, – устало пошутила девушка.

– А вот и нет, – отозвался Крячко. Он раскрыл ящичек, прежде всего выложив на столик два рулончика бинтов. – Меня, в идеале, вообще никто не должен знать. У меня такая работа.

Закрыв и отложив на подоконник аптечку, Стас быстро достал из холодильника две бутылки холодного напитка. Выставив все это на стол, он подал девушке низкий тонкий фужер,

а сам занялся обработкой ее ран. На столике выстроились в ряд пузырьки с перекисью водорода, йод, марганцовка, мазь Вишневского. Вскоре раны закрыли стерильные наклейки лейкопластыря. Выглядело это не очень симпатично, но, несомненно, должно было принести пользу здоровью пострадавшей.

Когда все было закончено, все маленькие и большие раны старательно обработаны, Крячко поднялся с колен, отер вспотевший лоб и дружески подмигнул Наташе.

– Ну что, я предлагаю вам немного походить, чтобы освоиться в роли пострадавшей, – сказал он.

– Вы хотите, чтобы я прошла? – спросила Наташа.

– Да. Мне бы не хотелось, чтобы, уйдя от меня, вы что-нибудь потеряли по дороге из того, что я вам тут налепил.

Девушка, слегка прихрамывая, прошла по коридору от кухни до прихожей и обратно.

– Отлично. Можете приводить себя в порядок. Ванная комната к вашим услугам, – бодро сказал полковник своей вечерней гостье. – А я пока пошаманю на кухне. Стресс есть стресс. Надо немножко выпить и закусить. Вы ведь не против?

– Вообще-то я не пью, – ответила девушка. Она сложила в прихожей свой зонт и повесила его на вешалку для верхней одежды. – Но думаю, что у нас с вами особый случай...

– Умные слова, – подметил с улыбкой Крячко. Он перегрузил свои приобретения в холодильник и, прежде чем закрыть его, посетовал: – Арбуз жалко. Хороший был арбуз... Ну да ладно! Что теперь поделаешь. Он свое дело сделал.

Наташа понемногу привела себя в надлежащий вид. Когда она вновь появилась на кухне, там все уже было приготовлено к скромному и приятному пиршеству. Крячко выставил на стол две рюмочки, налив в них по пятьдесят граммов водки себе и своей гостье. Наталья, вытирая полотенцем голову, улыбнулась и тоже присела к столу, сложив руки на коленях.

– А у вас не найдется минералки? – спросила она.

– Найдется, – ответил Крячко. При этом он отвернулся от девушки, открыл холодильник, достав влажную от холода бутылку. Потом выставил ее на столешницу, развернув этикеткой к девушке. – Сейчас откроем, – пояснил он и снова отвернулся, чтобы достать из кухонного шкафчика открывалку.

Потом они выпили, а уже через пару секунд Станиславу стало нехорошо. Ему даже показалось, что он умирает. Эта мысль сковала его меркнувшее сознание. Ему стало жарко. Он тяжело поднялся, инстинктивно схватился за воротник рубашки в тщетной надежде рвануть его вниз, но уже в следующее мгновение перед глазами полковника все завертелось, кухня померкла и исчезла. Крячко повалился на стол, потом съехал на пол, раскинув руки, как реющая над морем чайка.

* * *

Мужчина легко и быстро ворвался в квартиру Крячко, на мгновение замер у открытой двери, затем резко закрыл ее, а потом так же резко наотмашь ударил по лицу растерянную Наташу, которая никак не ожидала такого поворота событий.

Крячко не мог помочь ей больше ничем. Он лежал без чувств. От хлесткой пощечины девушка потеряла равновесие, широким неуверенным шагом отступив назад. Цепляясь за углы дверных проемов, она, птясь, переместилась в смежную комнату, истерично крича. Мужчина продвинулся в квартиру на пару шагов. Услышав его шаги, девушка попыталась стремительно закрыть дверь, ведущую в комнату, но не нашла, чем ее можно подпереть так, чтобы агрессор не смог проникнуть в помещение. В ее положении сейчас все решали считанные секунды, и, конечно же, именно их и не хватило Наташе, чтобы в таком лихорадочном состоянии что-

нибудь предпринять. Необходима была отменная выдержка, чтобы верно и грамотно сориентироваться.

Мужчина быстро определил, что в доме нет больше людей, кроме валявшегося без сознания на полу кухни Крячко и самой Наташи. Быстро, стараясь не совершать лишних движений, он подошел к двери, ведущей в смежную комнату. Встал, поднял повыше ногу и коротким ударом откинул дверь с такой силой, что она сорвалась с петель и упала на пол. Дрожащими от страха и напряжения руками девушка схватила трубу от пылесоса.

– Не подходи! – выкрикнула она визжащим голосом.

Мужчина слегка приостановился, цепким взглядом наблюдая за кончиком трубы, плавающей перед его глазами то в одну, то в другую сторону. Комната плохо освещалась, и поэтому девушке приходилось напрягать глаза. Преступник, шагнув вперед, сделал обманное движение. Затем легко выбил трубу из рук жертвы и попытался поймать ее за волосы, но девушка увернулась, отпрыгнув, как кошка, в угол комнаты. Он, выбирая подходящий момент, еще несколько мгновений примеривался занесенным уже кулаком, готовясь ринуться вперед.

– Что вы делаете? – бессильно кричала Наташа, в отчаянии взывая к его совести. – Зачем?.. Я же... Боже мой! Объясните мне наконец, чего вам от меня надо. Я... Я вас не знаю!..

Атака была неотразимой. Наташа вскинула руки, прикрывая лицо и голову от града обрушившихся на нее ударов. Видимо, от отчаяния она попыталась раз-другой достать до его лица и исцарапать его ногтями, но так и не смогла устоять под натиском боксерских ударов. Наконец Наташа потеряла сознание и осела на пол, безжизненно привалившись к стене. Видя, что жертва больше не сопротивляется, преступник для полной гарантии нанес девушке еще один удар, на этот раз ногой. Самое удивительное было то, что за все это время он не произнес ни единого слова.

Брезгливо и неспешно он осмотрел лежащее перед ним тело, оценил его бессознательное состояние, заглянув под сомкнутые веки. Затем решительно схватил девушку за волосы, перетащил ее на диван, бросил, как тряпку, поверх покрывала. Перевернул тело лицом к свету, осмотрел синее от нанесенных побоев лицо. Двумя движениями сорвал с неподвижного тела одежду и разбросал ее по квартире. Сорвал с Наташи и нижнее белье. Затем подошел к окну и попытался его открыть. Фрамуга не поддавалась с первого раза. Мужчина повторил попытку, удвоив усилия, и окно распахнулось.

Далеко вдоль самого горизонта мерцали призрачные огни бесчисленных московских спальных микрорайонов. Мужчина очень осторожно ощупал подоконник и карниз за окном, попробовал их на прочность и обратил внимание на все, что могло бы создать ненужный ему сейчас шум. Осмотрел окна этажом ниже, затем этажом выше. Прислушался, не разговаривают ли кто на соседних балконах. Слух улавливал только шум дождя. Мужчина криво улыбнулся каким-то своим inferнальным мыслям, словно он спал, видел себя во сне и все происходящее существовало где-то в параллельном мире. Не с ним, а с другим человеком, про которого он сейчас и смотрел интересное кино. Фильм о том, как никто не может остановить плохого парня, даже если очень захочет, и он, этот плохой парень, ничего не боится. Ни бога ни дьявола. Ничего!

В комнату ворвалась сырость дождя. Он подышал секунду этим влажным воздухом, затем положил девушку на подоконник. Перешел на кухню, вылил в раковину бутылку водки, ополоснул ее. Достал из холодильника новую, откупорил, отлил четверть в раковину и поставил ее на место первой. Придирчиво обыскал Крячко, забрал из его нагрудного кармана документы на машину, права. Перетащил Станислава в зал и брезгливо бросил посреди комнаты. Расстегнул ему брюки, спустил их до колен. Только завершив все эти приготовления, убийца одним движением вытолкнул бесчувственную Наташу в окно и с затаенным удовольствием понаблюдал за тем, как ее тело беззвучно отправилось вниз, туда, где пока еще зеленели газоны.

Вернувшись в прихожую, он забрал с собой зонт, не желая промокнуть под разгулявшимся проливным дождем, и быстро покинул пределы квартиры. Взявшись одним пальцем за ребро двери, убийца резким движением захлопнул ее за собой.

Через минуту он уже спустился на первый этаж, спокойно вышел из подъезда, прошел мимо «Ауди-100» и ее покалеченных владельцев, к которым так и не подъехала еще карета «Скорой помощи», чертыхнулся, сплюнул на мокрый асфальт и растворился в многолюдной шумящей Москве.

А следом во двор въехала «Скорая».

Глава 2

Если нужно было что-то узнать от кого-либо, Гуров старался всегда действовать напрямик, чтобы не возникало никаких разговоров. Да и получить истинную картину происходящего можно только от человека, который непосредственно занимается тем или иным делом.

Поэтому уже утром следующего дня он, не раздумывая, отправился в РУБОП на встречу с майором Леонидом Аркадьевичем Дацуком, которому руководством управления и было поручено вести дело Крячко. Прежде Гуров не знал про этого человека ровно ничего. Теперь им выпала возможность познакомиться, и игру с Дацуком Гуров также решил вести в открытую, потому как знал, что темнить с коллегами из смежного ведомства бесполезно. Однако Гуров не стал предварительно уведомлять Дацука о своем визите телефонным звонком. По большому счету полковник знал, что получит прямой отказ, поскольку он в этом деле человек посторонний, а с посторонними в органах всегда обращаются небрежно. Ни погоны полковника, ни заслуги перед Отечеством здесь не в счет.

Откровенно говоря, Гурова интересовало одно: на какой стадии находится дело Крячко. И все-таки он надеялся на невозможное.

Машина Гурова плавно припарковалась на автостоянке перед зданием РУБОПа. Лев Иванович открыл дверь, вышел из своего старенького «Пежо», замкнул автомобиль, неспешно поднялся по ступеням крыльца и закурил, собираясь с мыслями. За последние сутки полковник почти не спал, скрупулезно собирая информацию о Дацуке, и теперь, стоя у дубовых дверей, суммировал и анализировал все, что он услышал за истекшие часы.

Раз-другой Гуров что-то слышал о Леониде Аркадьевиче от коллег, но работать плечом к плечу им не доводилось. Например, полковник слышал, что, по мнению многих, Дацук был вполне порядочным человеком, а потому не следовало являться к нему, заранее имея какое-то предубежденное мнение. Гуров посчитал правильным поговорить с Дацуком начистоту. Что называется, по-человечески. С глазу на глаз.

Слышал Гуров как-то и присказку: «Прямолинейный, как Дацук». Присказка засела в памяти. Аналогии напрашивались сами: тупой, узколобый, упрямый и прочее в этом духе.

Пока Гуров курил, к нему то и дело подходили сотрудники местного управления, оперативники, обменивались рукопожатиями. Общаясь с сотрудниками РУБОПа, полковник понял, что и для их управления это дело необычное и довольно громкое. Очевидно, оно может стать своего рода показательным. В целом же оперативники располагали довольно скудной информацией о случае с Крячко и не могли добавить ничего определенного к уже известному. Что будет дальше, куда пойдет обвинение, никто не знал.

Поднявшись на второй этаж, Гуров негромко постучал в дверь кабинета майора Дацука и, не дожидаясь разрешения, вежливо, но смело вошел в помещение.

– Здравствуйте, Леонид Аркадьевич! – поприветствовал он рубоповца тоном человека, который давно не бывал у своего старого знакомого и вот наконец улучил подходящую минутку.

Дацук стоял у окна. Форточка была широко распахнута. На обшарпанном подоконнике лежала стильная черная «восьмиклинка».

Расстегнув пиджак и откинув полы за спину, он курил сигарету, заложив обе руки в карманы. При появлении Гурова майор неохотно оглянулся.

– Приветствую, Лев Иванович, – спокойно ответил он, прекрасно зная, зачем пришел Гуров, и как будто бы не имея ничего против его визита.

– Как поживает наш полковник? – спросил Гуров, надеясь на долгий обстоятельный разговор и при этом подыскивая местечко, куда можно было бы приземлиться.

– А как он может поживать? – пожал плечами Дацук. – Не жалуется. Вы к нему на свидание сходите, он вам там все и расскажет. Условия содержания у нас для всех одинаковые.

Дацук говорил жестко, отрывисто, но явно размышлял при этом еще и о чем-то своем. У него был крайне изможденный вид.

– А я там уже был, – Гуров направил пронзительный взгляд на собеседника. – Кстати, узнал от него самого, что он не совершал никакого преступления.

– Серьезно?! – Дацук в самом деле был немало удивлен, услышав такое откровение. – А что же это вы так быстро поверили его словам? Откуда вам может быть известна истина? – парировал он, тоже вонзив в Гурова пристальный взгляд.

Гуров молча осмотрел небогатое имущество кабинета и, не дожидаясь предложения, сел на скрипучий стул у входной двери, откинувшись на высокую спинку.

– Слухами земля полнится, – сказал он, и в его словах прозвучала некоторая досада на то, сколь небрежно готов распорядиться этот рубоповец человеческой судьбой.

– Вы по какому поводу ко мне?

Дацук стоял вполборота. Казалось, он одним глазом наблюдает за тем, что творится за окном, а другим за пришедшим к нему полковником.

– Я бы хотел узнать, на какой стадии его дело? Как продвигается следствие?

– А для чего это вам? – задал прямой вопрос Леонид Аркадьевич. – Вы ведь прекрасно знаете, что я не могу вам ничего сказать. Да и вы бы мне не сказали, если бы я к вам пришел. Так ведь?

Дацук вынул из кармана руку, извлек сигарету изо рта и стряхнул пепел в стоящий рядом цветочный горшок.

– Леонид Аркадьевич, Крячко не виновен, и, вместо того чтобы искать улики против него, предлагаю вам вместе со мной поискать их на кого-нибудь другого.

– Вы офонарели?.. – Дацук даже немного покраснел от волнения, приняв слова Гурова за какую-то хитрую провокацию, устроенную для него начальством. – Вас генерал Орлов уполномочил на такое предложение? Что за сотрудничество в этом деле вы мне предлагаете?

Гуров решил более не усугублять положения, немного приоткрыв для себя завесу, под которой скрывался истинный характер Леонида Аркадьевича.

– Просто я не уверен в том, что он мог это сделать, – постарался развеять беспокойство собеседника полковник. – Надо совершенно не знать Станислава, чтобы обвинять его в подобном.

– В каком «подобном», Лев Иванович? – Дацук буквально побагровел. – Извините, но вы как с Луны свалились! Ей-богу!.. Дело Крячко уже передано в суд. Я вообще в настоящий момент другими вопросами занимаюсь.

С каждым словом майора ситуация усложнялась. Оказывается, все было давно уже кончено, и в этот кабинет Гуров пришел не по адресу.

– Крячко – убийца и насильник, – продолжал свою гневную тираду Дацук. – Все против него. Какие вам еще доказательства нужны? Хотите – идите в суд и ознакомьтесь с делом. Это не возбраняется!..

Дацук резко и небрежно указал полковнику на дверь, и при этом у него нервно задергались одновременно глаз и щека. Наверное, майор искренне надеялся на то, что Гуров сейчас же встанет и выйдет из его кабинета, удрученный и раздавленный печальным известием. Но нужно было совсем не знать сыщика: в такие минуты он, напротив, не отступал ни на шаг.

– Как же вам удалось так быстро во всем разобраться? – строго спросил Гуров, даже не думая подниматься и уходить из кабинета.

– А у нас план, – Дацук поднял руку и небрежно захлопнул форточку. – Поквартальная раскрываемость. Знакомый термин?

– И что, ни сучка ни задоринки в деле? – всплеснул руками Гуров.

– На полную раскрутили, – помолчав, презрительно подытожил Дацук.

Он поднял с подоконника «восьмиклинку», страхнул с нее осевшие крошки пепла и вернулся на прежнее место.

– Так что мой вам совет, – он как-то ехидно усмехнулся. – Ищите себе другого напарника. Этого вам не увидеть лет двенадцать, я думаю.

– Торопитесь. Ох как вы торопитесь! – Гуров поднялся и закинул за спину могучие руки. – Аж голова кружится.

– Водички не хотите? – спросил Дацук и тут же почувствовал, что переступил какую-то невидимую грань, после которой люди если и не становятся непримиримыми врагами, то уж о человеческих отношениях говорить точно не приходится. И у него не удержалось на языке откровение, которое он много лет уже носил в себе, но просто не было возможности высказать открыто все, что накопилось в душе относительно пожизненной безнаказанности людей в погонах. – Довольно терпеть этих раздолбаев! Вы только взгляните, что они творят с людьми... Они их калечат!

– Крячко – человек абсолютно честный, – взревел Гуров.

Они встали друг напротив друга и сурово посмотрели в глаза. Дацук не допускал и мысли, что Гуров может совершить неуставное действие, и поэтому гневно, обличительно пояснил свою позицию на случай, если полковник счел, что он ослышался:

– Тем более позор. Полковник!.. Оборотень в мундире, пятнающий честь нашей службы. Мне стыдно за ваше управление. Что до сих пор...

Майор запнулся. Гуров немного опустил голову, чтобы лучше заглянуть в глаза собеседнику. Ему на мгновение показалось, что Дацук его побаивается. Он только не мог понять, насколько силен его страх. Это было так мимолетно, что полковник даже с недоверием отнесся к тому, что увидел собственными глазами. Провести Гурова на сей счет было практически невозможно. Он тонко знал человеческую психологию. Сейчас он меньше всего ожидал такой реакции от человека, немало повидавшего на своем веку, и даже несколько смутился, урезонив свой деструктивный пыл.

– Леонид Аркадьевич, – вдруг тихо сказал он. – А какие у вас доказательства виновности Крячко?

– Я думал, что насчет доказательств мы уже разобрались, Лев Иванович, – ответил Дацук.

Они еще несколько секунд постояли, глядя друг другу в глаза, и медленно разошлись. Дацук обошел стол и встал у дальнего края, словно что-то забыл и никак не мог вспомнить, что же именно.

– С материалами дела вы мне, как я понимаю, тоже не дадите ознакомиться? Да их у вас и нет, – важно покачал головой Гуров и снова поднял на Дацука тревожные и вместе с тем спокойные глаза, обратившись к нему с просьбой: – Ну, хоть в одном-то вы мне можете помочь?

– Внимательно вас слушаю, – непреклонным официальным голосом откликнулся майор.

– Мне нужны имя и адрес погибшей.

Не выпуская из-за спины рук, Гуров сделал твердый шаг в направлении рабочего стола рубоповца.

– Сейчас, – по-хамски кивнул Дацук. – Ступайте в морг, полковник. Там и выясняйте.

Он сел к столу, наморщил лоб, но было ясно, что Гуров все же выбил его из рабочей колеи. Майор напрочь забыл, о чем думал две минуты назад. Выражение его лица сделалось крайне озадаченным и вместе с тем кислым.

– Одного я не пойму, – майор развалился в кресле, внимательно всматриваясь в черты лица своего визитера. – Скажите мне, Гуров, какое отношение вы имеете к этому делу?

– Будем считать, что никакого, – выдержав недолгую паузу, недобро ответил тот. – Однако Станислав – мой друг.

Дацук поднял брови.

– Ну, тогда я тем более не могу вам ничего открыть, – было видно, что он торжествовал. – Тайна следствия, так сказать. Сами понимаете. – Потом он еще немного поразмыслил, убедился в том, что Гуров дал ему вполне правдивую информацию, но для верности уточнил: – А в принципе?..

Гуров не понял его вопроса, и тогда Дацук охотно пояснил ему суть высказывания, вновь выбравшись из-за рабочего стола и обойдя его по периметру. С заинтересованным видом майор присел на краешек крышки.

– Ну, вы друзья, – очертил он круг предлагаемых обстоятельств, выясняя что-то, совершенно не требующее объяснений, словно продолжая вести следствие. – Вы что, так обязаны ему, что ли? Зачем вы лезете не в свое дело? Почему вы так отважно защищаете его? Вы ведь понимаете, что своими действиями в конечном итоге добьетесь того, что дело могут вернуть на доследование и тогда уже непосредственно к вам могут возникнуть некоторые вопросы?

– Да неужели? – хищно спросил Гуров. – Не шутите со мной, майор. Не советую.

Но Дацука это высказывание нисколько не урезонило. Он уже мысленно дополнял дело новым фигурантом, чем не забавлял Гурова, как это было буквально пару минут назад, а раздражал.

– Почему вы пришли ко мне, Лев Иванович? Зачем вы задаете мне все эти вопросы? У меня, например, начинает складываться мнение, что вы хотели бы оказать влияние на ход оперативной разработки, – он демонстративно погрозил Гурову пальцем. – И это настораживает, Лев Иванович. Очень настораживает...

– Майор, мы не дети и знаем всю правду, – Гуров спокойно смотрел на то, как перед ним самым бесстыдным образом паясничает этот клоун, и у него перманентно возникало желание ткнуть шута кулаком под ребро. – Полковника Крячко подставили. Так ведь? Это видно из материалов следствия, и боюсь, что вы... не хотите замечать очевидного, – выдохнув, Гуров немного расслабился. – И это печально.

– Вы меня извините, Лев Иванович, – Дацук уже устал от бессмысленного разговора. – Но у меня дела. Если у вас есть жалобы относительно моих профессиональных действий, то это к моему начальству. Дверь напротив.

Гуров понял, что он выбрал слишком мелкий снаряд для того, чтобы пробить броню. Его встреча с майором изначально не клеилась. Надо было уходить.

– Ну что ж, Леонид Аркадьевич, – сказал полковник так, чтобы Дацук понял – это не последняя их встреча. – Разговор у нас с вами вышел содержательный.

– Рад вас огорчить, – с недобрый блеском в глазах усмехнулся тот.

– Держитесь крепче за свое кресло, Дацук, – с любовью, словно смакуя виноград, предостерег майора Гуров и шагнул к выходу. – Имейте в виду, оно уже немного пошатнулось под вами. Если я возьмусь за это дело, скажем так, параллельно, то обещаю вам в скором времени поднять вопрос о вашем служебном соответствии занимаемой должности. Или, вернее, о несоответствии. С этого дня берегитесь меня. Это мой вам совет. Как и вам, мне никто не запретит вести дознание в этом направлении. Всех благ.

– Я вас очень понимаю, товарищ полковник. А сейчас извините, дела. Всего доброго.

Гуров вышел из здания РУБОПа, на ходу набирая на мобильнике номер, а уже через несколько секунд до него донесся знакомый голос Регины Исмаиловны Израилит.

– Регина Исмаиловна? Гуров беспокоит...

Устроившись на водительском месте своего «Пежо», полковник спокойно закрыл за собой дверь.

– Ой, Лева, какой ты умница, что позвонил. У меня есть чудесный сюрприз для тебя. Мне привезли потрясающее вино прямо из Иерусалима. Ты должен непременно его попробовать.

– Спасибо, Регина Исмаиловна, непременно. Обещаю вам. Но сейчас у меня к вам один очень интересующий меня вопрос. Мне просто необходима ваша помощь.

И Лев Иванович очень сжато, в общих чертах поведал женщине о совершенно нелепом и диком казусе, приключившемся со Станиславом. Регина Исмаиловна, как и многие другие, кто знал Крячко лично, считала его воплощением честного человека и настоящего профессионала. Гуров уже лет десять знал эту женщину. Она была начальником отдела судебно-медицинской экспертизы Главного управления. Через нее проходили все переданные в суд материалы. С ней Гуров вплотную сотрудничал по нескольким делам, и со временем между ними сложились очень доверительные и даже товарищеские отношения.

В разговоре полковник уточнил имя погибшей, проходившей по делу Крячко, – ею оказалась студентка исторического факультета гуманитарного университета Наталья Пискунова. От Израилит он узнал также адрес общежития, в котором проживала Наташа, и фамилию сокурсницы покойной, с которой они жили в комнате. Подругой Натальи оказалась некто Светлана Олещенко. С ней Гуров созвонился и назначил время и место встречи с тем расчетом, чтобы не отвлекать девушку от запланированных на день дел. Встретиться решили в фойе университета в час дня.

Завершив все эти нехитрые телефонные переговоры, Гуров повернул ключ в замке зажигания, запустил двигатель и направил свой верный «Пежо» в управление. Однако по дороге он счел не лишним завернуть к зданию суда, где отыскал Владимира Лихового, бывшего своего однокурсника и мастера спорта по дзюдо, которому и было передано дело полковника Крячко. Гуров поговорил с ним, полистал дело, отсканировал заключение судмедэкспертов и к десяти часам уже отмеривал широкие шаги по коридору Главного управления уголовного розыска, торопясь на встречу с Орловым, которого он мог и не застать, явись на пять минут позже. Петра Николаевича вызывали наверх.

Гуров открыл дверь кабинета генерала и мысленно сбросил со своих плеч все то, что на языке чиновников называется служебными отношениями. Это трудно поддавалось какому-либо объяснению, но в кабинете Орлова Гуров становился другим. Более открытым, спокойным, таким, каким и привык его видеть сам генерал.

– Петя, я к тебе, – негромко сказал Гуров. – Эти уроды из РУБОПа совсем нюх потеряли.

Генерал переключал из стопки в стопку служебные записки, рекомендации, анкеты, наградные документы личного дела Крячко, сортируя их по какому-то своему принципу. Рядом с ним на столе лежал пустой раскрытый старенький скоросшиватель. В руках Орлов держал шариковую ручку. Он что-то старательно помечал на полях пожелтевших от времени документов.

– По бабам меньше бы бегал, нечего и нюхать бы было, – полетел в Гурова встречный камень раздражительности. Генерал укоризненно взглянул на сыщика поверх очков в серебряной оправе и, слегка прищурившись, пригласил его в кабинет, указав кончиком шариковой ручки место поближе. – Садись и рассказывай, как там все было. И в темпе давай. Времени в обрез, – Орлов был возмущен, но умело сдерживал собственные эмоции. – Начальство за задницу дергает. Что там у вас с Крячко, орет, случилось? Он что, мол, совсем обалдел?

Генерал придирчивым взглядом проследил за Гуровым, оценил, что тот не прячется на задки, а садится прямо, на переднем рубеже, напротив своего руководителя, значит, психологически дает понять, что вышло явное недоразумение и самая важная задача сейчас – выручать Станислава.

– Петя, ты не прав, – спокойно заявил Гуров. – Стас ни в чем не виноват. Так вышло. Кто-то подставил его. И очень ловко. Если ты можешь и работать, и слушать, я тебе много интересного наговорю. Занят? – немного напряженно спросил он, внимательно заглянув Петру Николаевичу в глаза и пытаясь понять, что он на самом деле про все это думает.

Орлов снова переключил свое внимание на бумаги. Он аккуратно сложил их в стопку, подровнял, грохнув ее торцом по крышке стола, отложил всю эту пирамиду подальше от себя и настроился на неприятный, но неизбежный разговор.

– Совещание в двенадцать, – невесело сказал он и тут же пояснил: – К министру на ковер. Пороть будут за нашего героя. Они же верят всему, что несут эти рубоповцы. – Орлов нажал кнопку на селекторе внутренней связи: – Вера, я занят. Ко мне никого не пускать... Давай, расскажи мне хоть что-нибудь, чтобы я там не сидел, как истукан, когда на меня попрут.

– Значит, так. Изложу все, что знаю. – Гуров придвинул к себе пепельницу, поставил ее перед собой. Затем медленно достал из кармана пачку сигарет, положил ее рядом с пепельницей, все это время напряженно думая, как и с чего ему начать. – Сразу скажу: дело – дрянь. Но мы можем вытащить Стаса. Я больше чем уверен в этом.

Орлов очень осторожно отер платком лоб и шею, затем краешек рта. Платок он не убирал, а только спрятал его в глубине кулака.

– Что там эти сыщики накопили? – спросил он усталым голосом.

– Что увидели, то и накопили. Пойди докажи им что-нибудь другое, – недобрым и серьезным тоном, как бы между прочим, посетовал Гуров.

Орлов снял очки и положил их на стопку бумаг.

– Кто ведет дело?

Гуров извлек из пачки сигарету, сунул ее в зубы. Затем достал из кармана зажигалку, но вопрос Орлова его отвлек, и он, не прикурив, ответил:

– Майор Дацук. Я уже был у него.

Медлительными движениями пальцев генерал сложил вместе дужки очков и для большей устойчивости перевернул их вверх стеклами.

– И как? – бесцветно поинтересовался он.

– Поверить не могу, что в РУБОПе еще такие работают.

Когда Гуров отвечал, сигарета в его губах подрагивала. Он держал в руке зажигалку, но никак не мог поднести ее к кончику сигареты. Орлов помассировал виски, долго и неторопливо пробежая по ним узловатыми пальцами. Осторожно отер внутренние уголки уставших от продолжительного и не очень интересного чтения глаз.

– А что такое?

– Да ну его! Он какой-то ненормальный. Честное слово, Петя. – Гуров наконец небрежно откинул крышку зажигалки и рванул на себя кремль большим пальцем правой руки. Вспыхнуло пламя. – Такой и расстреляет, рука не дрогнет. Охочусь, говорит, на оборотней в погонах, и все. Дескать, не мешай ему.

Генерал сердито сбросил лежавшие на столе бумаги в папку, закрыл ее и, аккуратно завязав тесемки, сунул в верхний ящик стола.

– Что у него есть? Меня интересуют прежде всего доказательства. Реальные, Лева.

Несложно было предположить, что Орлову очень не понравилось, как ведут себя коллеги из смежного ведомства по отношению к его подчиненному. Гуров и не сомневался в подобной реакции генерала. Он поднес зажигалку к сигарете, втянул в себя облако табачного дыма, затем захлопнул крышку зажигалки и убрал ее обратно в карман.

– У него много всего. Например, водка, которую Крячко употреблял вместе с госпожой Пискуновой. Одежда убитой, разорванная в клочья. А в завершение всего этого у него есть еще и сам пан Крячко. В беспамятстве и без штанов посреди комнаты, где произошло преступление. – Выкладывая факт за фактом, Гуров изредка потирал лоб, стараясь не акцентировать внимание на своих эмоциях. – И все это грамотно запротоколировано, Петя. Понятые, судмедэксперты... На теле Пискуновой побои, на Крячко следы сопротивления. Как говорят, оказанного со стороны покойной. Сейчас проводят биологическую экспертизу. Аптечка с лекарствами тоже приобщена к делу. Из нее Стас доставал препараты и совместно с употреблением спиртного врачевал ими погибшую. Как считает Дацук, Стас побоями и уговорами склонял девушку к интимным отношениям.

Орлов, внимательно слушая собеседника, откинулся на спинку кресла, взял со стола ручку и принялся медленно, привычным и вместе с тем механическим движением вертеть ее между пальцев.

– Третьего с ними не было? – спросил он.

Гуров затаился, пожевал облачко белого дыма, словно оно было сахарной ватой, и отнял от губ сигарету. Выпустил дым в сторону, бросив короткий невидящий взгляд на Орлова.

– Нет. По крайней мере он не оставил никаких своих следов или отпечатков пальцев. Есть беспорядок в коридоре, но поди разберись сейчас, кто его устроил. Следы, по заключению кинолога, принадлежат только Крячко и Пискуновой. Входная дверь была закрыта. Оперативники топором ее взламывали.

Орлов снова отер выступившую на лбу испарину и снова убрал свой белый платок в могучий кулак.

– И при этом Стас не виновен? – вопросительно сказал он.

Гуров еще несколько раз затаился, жадно и глубоко, затем коротким движением стряхнул в пепельницу кроху пепла.

– Ну что за вопрос? Конечно, нет. Это кем-то умно спланированное убийство, только и всего. Крячко был просто подставлен под удар. А вот в том, как это было сделано, надо разбираться.

Орлов надолго задумался. Он мысленно оценивал сложившуюся патовую ситуацию. Где-то в глубине его сознания, следуя многолетней сыскной привычке, намертво оседали факты. Орлов всегда ясно представлял, как устроена реальная жизнь. Поэтому в его сознании сейчас формировалась другая и очень подробная картина, не та, которую описывал ему Гуров, а та, которая имела место на самом деле. В голове Петра Николаевича создавалась почти осязаемая действительность, где присутствовал очень изворотливый преступник.

– Ловко. Очень ловко, – в конце концов вымолвил он.

Гуров монотонно продолжал попыхивать сигаретой.

– В тот вечер, когда девушка погибла, – сказал он, – Стас отметелил за нее каких-то четверых подонков. Наркоманов. Есть вероятность того, что один из них как-то проник в квартиру, каким-то образом добавил, когда Крячко отвлекся, в стакан со спиртным некое быстродействующее вещество, след которого не был обнаружен в его крови, и преспокойно сделал все остальное.

Задумавшись, Орлов слегка заскрипел своим креслом, немного изменив положение тела и головы.

– А водка? – спросил он. – Анализ, заключение экспертизы?

Гуров чуть отодвинул от себя пепельницу, затем принялся, изредка на нее поглядывая, медленно вращать по часовой стрелке.

– В том то и дело, что водка нормальная. И в руки бутылку брал тоже сам Стас. Никаких посторонних следов на ней обнаружено не было.

Гуров бросал взгляд то на пепельницу, которая совершала под его пальцами какое-то завораживающее мистическое действие, то на кончик сигареты, торчащей здесь же, между указательным и средним пальцами, то на внимательно слушающего его Орлова. Генерал надел на кончик ручки прозрачный колпачок и сунул ее в органайзер, стоявший посреди его стола рядом с перекидным календарем, в который был вставлен миниатюрный российский триколор.

– Основательная подготовка, – он как будто не знал, что и сказать. – Тут и мне есть над чем подумать.

Гуров степенно прикладывал сигарету к губам, затягивался, убирая от струящегося сигаретного дыма глаза.

– Поскольку в деле улики больше чем достаточно, его сразу же передали в суд. Сегодня утром по своим каналам я с ним ознакомился.

Орлов бросил короткий проницательный взгляд на Гурова.

– Ну что я скажу, – подытоживая, заговорил генерал. – Дело это, мягко говоря, хлопотное, но... Наш товарищ, кадровый офицер, имеющий правительственные награды... Нельзя давать этому делу ход. Надо вернуть его на следствие. Чего бы это ни стоило нам. Дело сфабрикованное – это ясно. Берись за него сам, Лева. У меня отказа не будет ни в чем. Как говорится, чем смогу, помогу.

Гуров подобрал ноги, и Орлов только сейчас заметил, что все это время полковник сидел в довольно напряженной позе, словно уже отстаивал Крячко перед присяжными заседателями. Он в последний раз затянулся и затушил сигаретный окурочек.

– Хорошо, – не раздумывая, согласился он.

Орлов покашлял в кулак и спросил:

– Люди нужны? Говори сразу. Ты ведь привык к работе с напарником?

– Пока нет, – ответил Гуров. – Но дело в том, что у нас тоже как бы производственный процесс... Поэтому я прошу тебя дать мне четыре дня. Отпуск, скажем, по семейным обстоятельствам.

Сказав так, Гуров вернул пепельницу на стол к генералу, тот переместил ее дальше, на край стола, искоса посмотрев, на месте ли корзина для мусора, чтобы после ухода полковника в нее можно было вытряхнуть окурочек и пепел.

– Возьми лист бумаги и пиши, – распорядился Орлов. – Я подпишу его после. Через неделю жду вас обоих в моем кабинете. И так работать некому, – недовольным тоном напутствовал он подчиненного.

Гуров забрал со стола пачку сигарет, убрал ее в карман и смахнул с полированной крышки стола рыжие крохи табака. Через пару минут рапорт был готов и представлял собой просьбу предоставить полковнику Гурову краткосрочный отпуск по нижеизложенным обстоятельствам. Поставив жирную точку в документе, Гуров выпрямил спину и вернул Орлову его ручку с прозрачным колпачком.

– Разрешите идти, товарищ генерал? – Полковник нахмурил брови и вскинул к виску пятерню, иронично отдавая честь.

– Ты смотри, держи меня в курсе всех твоих дел, – как всегда, больше для проформы отозвался Орлов. – Понимаю, что ты человек самостоятельный, но все-таки я – твой начальник. Что собираешься предпринять в первую очередь?

– Хочу побеседовать с подружкой погибшей, – не стал скрывать Гуров. – Сам понимаешь, подростки есть подростки. Всегда найдется кто-нибудь, кто что-нибудь видел или слышал.

– Побеседуешь и сразу ко мне.

– Не выйдет, Петя, никак не выйдет. Но, как бы то ни было, ты постоянно будешь в курсе всего происходящего.

– Как я тебе завидую, Лева, – не к месту бросил Орлов.

Гуров удивленно вскинул брови.

– Здравствуй. И давно?

– Сходи ты за меня к министру.

– Нет, Петя, – полковник улыбнулся. – Гурову – Гурово, а генералу – генералово. Ничем не могу тебе помочь.

– Ну тогда ни пуха ни пера, – забрав рапорт, бодро ответил Орлов.

Он бегло прочитал документ, потом убрал его в стол. Прочитал не потому, что не доверял Гурову, а просто по привычке, которую выработал сам в себе за годы кабинетной работы.

– Тебе ни пуха ни пера, – напомнил Гуров о том, что Орлова уже наверняка ждут в министерстве. – А мне – скатертью дорога.

Дорога до университета заняла у Гурова не больше тридцати пяти минут. Он остановился на забитой автомашинами стоянке, запер свой «Пежо» и отправился в фойе университета. До

встречи со Светланой Олещенко оставалось всего несколько минут. Гуров вошел в фойе, показал удостоверение вахтерше, коротко объяснил, кто он, затем расположился у двери, ведущей на улицу, поджидая свою потенциальную собеседницу.

Вскоре прозвучал звонок, и фойе наполнилось молодыми людьми. Заложив за спину руки, Гуров важно прохаживался у дверей вуза, поджидая Светлану. Прошло еще несколько минут, прежде чем он издали заметил невысокую худенькую девушку в кожаной юбке и легкой осенней куртке. Это были те самые приметы, по которым он без труда узнал ее. Светлана так и описала себя в телефонном разговоре. Через плечо у девушки висела черная сумочка, в руке она несла общую тетрадь.

Светлана спустилась по широкой лестнице, ведущей на первый этаж университета, и пошла к выходу. Гуров сделал шаг навстречу, одновременно слегка перегородив дорогу, а когда она подошла, предъявил свое удостоверение.

– Здравствуйте, – немного устало сказал он. – Меня зовут Лев Иванович Гуров. Я – старший следователь по особо важным делам, работаю в Главном управлении уголовного розыска. Если помните, мы с вами договорились о встрече.

– Здравствуйте, – задорно ответила девушка. – Меня зовут Света, и я не забываю о том, о чем договариваюсь.

Гуров оценил ее внешность. Светлана оценила его стальные мускулы, скрытые под однотонной белой майкой без надписей.

– Вы, как я понимаю, догадываетесь, что разговор у нас с вами пойдет о вашей подруге Наталье Пискуновой? – спросил Гуров, внимательно посмотрев на молоденькую кокетку.

– Догадаться нетрудно. Об этом сейчас весь университет гудит, – все тем же задорным тоном ответила девушка.

Тетрадь с расписанием занятий она забросила в сумочку, быстро застегнула на ней замки и повесила обратно на плечо.

– И о чем же таком гудит ваш университет? – поинтересовался Гуров с нескрываемой иронией, и они вместе двинулись к выходу.

Сыщик не без удовольствия смотрел на этот пчелиный улей.

– Ну... Наташу ведь убили?... Или нет? – многозначительно произнесла Светлана. Подходя к двери, девушка попрощалась с сидевшей на вахте пожилой женщиной, после чего открыла тяжелую дверь, предлагая Гурову выйти первым. – Будьте любезны, – улыбнулась она.

Гуров рассмеялся и кивнул.

– Весьма признателен, – поблагодарил он и, уже оказавшись со Светой на улице, добавил: – Все так. Ее действительно убили, и я пытаюсь выяснить, кто это мог сделать. Поэтому мне нужны некоторые подробности ее жизни.

– Мы уже все были готовы к тому, что нас затаскают по милициям. И особенно я, – веселясь чему-то, сказала Светлана, хотя Гуров не услышал в ее словах ничего такого, что могло бы вызвать смех.

На крыльце Светлана сунула входящей в институт девушке несколько компакт-дисков, при этом ничего не сказав ей. Гуров едва успевал следить за ее быстрыми движениями.

– Я из милиции, – спускаясь вслед за девушкой по ступеням, машинально заметил он. – Но никого неволить не собираюсь.

– Честно говоря, я не знаю, что вас конкретно интересует.

Тон Светланы стал таким, как будто ее отвлекают на бессмысленное дело во время глубокого сладкого сна. Ей совершенно не хотелось сейчас говорить ни про смерть, ни про розыск... Ей просто хотелось гулять. Она спустилась по мраморным ступеням на тротуар, усеянный желтыми листьями, и жалобно оглянулась. Сентябрьское солнце неярко светило в выбеленном осеннем небе. Вдоль бордюров дороги длинной неширокой полосой лежали желтые маленькие березовые листья. Ветер перегонял их от одного края дороги к другому. В листья валялись

пластиковые стаканчики, пустые полиэтиленовые пакеты, окурки и пробки от бутылок. Судя по всему, молодежь как умела, так и отметила начало учебного года, не отходя от стен родного образовательного заведения.

– А вы расскажите мне немного о ней, – просто сказал Гуров. – О ваших отношениях. И все, – он незаметно задал Светлане первый вопрос: – Что, например, она была за человек? С кем дружбу водила?

– Со мной, – бойко и деловито ответила девушка, увлекая за собой Гурова.

Она прытко перебежала через дорогу, по которой непрерывно неслись автомашины, хотя здесь не было ни светофора, ни пешеходной «зебры», и жестом позвала мужчину за собой. Только последовав за ней, Гуров понял, что путь его спутницы лежит к небольшому летнему кафе, расположенному на противоположной от вуза стороне улицы. Девушка, балансируя, пробежала по бордюрному камню несколько шагов, затем перепрыгнула через широкий газон на тротуар и снова обернулась. Трава на газоне была плотно притоптана. По ней пролегали многочисленные тропки.

Гуров с неподдельным интересом следил за Светланой. Как она глядела, какие жесты использовала, общаясь с ним и с другими людьми. Он мысленно моделировал картину ее характера.

Полковник, не торопясь, перешел улицу и, встав у бордюра, наклонил голову набок и сухо улыбнулся. Он не спешил и этим словно испытывал ее терпение. Попытка Светланы отделаться от него была совершенно напрасной. Пока полковник Гуров не закончит свой допрос, он не даст ей далеко от него оторваться. Лев Иванович не хотел об этом говорить, но поведением своим давал понять, что предпочитает неспешность в сыскных делах и подобного рода беседах.

– С вами, – утвердительно кивнул он. – Замечательно. А вот с этого места, пожалуйста, подробнее, – остановив этими словами Светлану, он неспешным шагом приблизился. – Сколько лет вы с ней дружили? Как вы дружили?

– С Наташей мы дружили десять лет. Еще в школе сидели за одной партой, – печально начала Светлана и пожала хлипкими плечами. – Потом обе приехали в Москву, поступили в универ, на один и тот же факультет. Вместе сняли комнату. Может быть, я и ошибаюсь, но, как мне кажется, я была ее самой близкой подругой.

Света направилась к входу в кафе. Гуров, слегка отставая, словно пытаясь замедлить ее шаг, двинулся следом.

– Станным она была человеком, – словно глядя в солнечное сияние, девушка погрузилась в приятные для нее воспоминания. – Она как будто играла все время кого-то. С кем была близка, того и играла. Например, помню, в десятом классе мы на дискотеке познакомились с питерскими байкерами. Косухи, банданы, перстни... Все как положено, короче. Наташку это так увлекло, что через пару дней у нее дома был целый склад такой вот атрибутики. Она неделю разъезжала с ними на мотоциклах, потом познакомилась с одним из них поближе. Ну, стала как бы его девушкой. Потом байкеры уехали. Она горевала, конечно... Целых три дня горевала, но тут идем мы как-то по улице, а прямо у нашего дома укладывают асфальт. Парень работает с отбойным молотком. Рыжий такой, в оранжевом комбинезоне на голое тело. Фигура, конечно, богатырская... И все! Пролетарская любовь! Целых пятнадцать дней она по нему сохла. Ходила в ситцевых платьях и скромных юбках... Потом были иностранцы какие-то, потом гид-переводчик, потом... Ну и так далее. Потом универ. У нас историю Средних веков преподавал двадцативосьмилетний молодой человек, недавний аспирант. Надо ли говорить, что после этого Наташка начала появляться в темном английском костюме и даже вспомнила, что у нее зрение минус один.

Светлана на ходу достала деньги. Она одновременно успевала и рассказывать Гурову о своей подруге, и отсчитывать деньги на покупку бутылки пива.

– А скажите, Света, были ли у нее в этих любовных похождениях или романах, как вам будет угодно их назвать, интимные отношения с ее избранниками?

Гуров все время пытался по ее реакции увидеть, какой была в жизни ее подруга Наталья.

– Питерский был у нее первым, – не скрывая, ответила девушка. – В смысле первым мужчиной. То, о чем вы спрашиваете. С Генкой-рабочим она рассталась, потому что он их потребовал. И требовал очень грубо. А с Валентином Николаевичем, например, у нее была чисто платоническая любовь. Это точно. У него были очень влиятельные мама с папой и беременная жена ко всему прочему. Так что в каждом случае были свои нюансы. Наташка была неплохой девушкой... В том смысле, что она никогда не стремилась вмешиваться в чужие отношения. Но, повторяю, я всегда знала обо всех ее похождениях.

Почти на ходу Светлана бросила в кассу несколько десятков, и через пару секунд перед ней возникла бутылка холодного, почти заиндевевшего пива. Гуров в этом повествовании сразу же отметил для себя деталь, которая требовала уточнения.

– А что вас сближало все эти годы? – осматриваясь, спросил он.

Сидеть за столом ему не хотелось, да и пиво пить со студенткой он бы не рискнул. Однако приходилось умирять свои личные желания и учитывать желания собеседника. Знаком девушка указала, что ей необходимо снять с бутылки крышку. Продавщица молча исполнила ее просьбу.

– А вы думаете, что мы такие уж разные? – вопросом на вопрос ответила девушка. Она бегло заглянула под пробку, но под крышкой ничего не оказалось, и Светлана оставила ее на прилавке. – Просто мне повезло. Я нашла человека, который с избытком компенсировал мне недостаток романтики. Ведь она на самом деле романтики искала.

Светлана на ходу сделала пару жадных глотков, прошла несколько шагов, выбрала первый попавшийся столик и водрузила на него бутылку. Достала из нагрудного кармана упаковку жевательной резинки, положила ее рядом.

– Правда, один раз я за нее испугалась.

Указательным пальцем девушка дала понять Гурову, куда ему сесть, и полковник, не скрывая усмешки, кивнул и сел. Он повиновался во всем и, наверное, поэтому чувствовал себя сейчас немного болваном рядом с этой столь юной особой.

– Почему? – Гуров невольно ощутил в дуновениях ветра стылую осень.

От холода у Светланы немного подрумянились щеки.

– Мы как-то с моим парнем шли по Тверской, – негромко сказала она, искоса поглядывая на Гурова. – Покупали подарки, и я увидела Наташу с одним странным человеком. Он действительно был очень странный. С виду вроде бы ничего, симпатичный... Можно даже сказать, красивый. Знаете, эдакий Мефистофель лет двадцати пяти. Но он мне почему-то сразу не понравился. Взглядом своим или... Не знаю, – Светлана пожала плечами.

– Давно это было? – заинтересованно спросил Гуров.

Он слегка приподнял голову и, чтобы поудобнее устроиться, придвинул под себя пластиковый стул.

– Не очень. Мой парень тогда сказал, что у Натахи – наркоман. Меня как обожгло. Думаю, а ведь точно наркоман. Губы синие, глаза как точки... Вечером в общаге я ее прямо спросила, кто этот парень. А она начала говорить, что он сам прицепился на улице. Что он ей чужой... Но я видела, что она врет. Понимаете? Она мне соврала. Это было впервые. Мне!

Неожиданно у Светланы зазвонил сотовый телефон. Она на ощупь отключила аппарат и преспокойно продолжила разговор с Гуровым.

– А вы думаете, что прежде она всегда была с вами откровенна? – полковник сложил на столе могучие руки, которые до этого что-то непроизвольно чертили по пластиковой крышке.

– Всегда, – уверенно заявила молоденькая собеседница. – Я вижу, когда человек врет. Особенно тот, кого я давно и хорошо знаю.

Светлана с удовольствием сделала большой глоток бодрящего холодного напитка, молодецки крикнула и отерла влажный рот рукавом. Затем достала жевательную резинку и отправила ее за щеку.

– А на следующий день после нашего разговора с нее сполз английский костюм. Она пришла на занятия в джинсах «милитари». – Светлана снова приложила к бутылке, ловкими пальцами хватая ее почти за самое донышко, как вполне опытный любитель пива.

– И что?

– И в джемпере с длинными рукавами, – подытожила Светлана так, словно Наталья совершила святотатство.

Откровенно говоря, Гуров не видел в этом великого криминала, но на всякий случай понимающе кивнул, а лицо его исполнилось неподдельным осуждением Наташиного поступка. В процессе разговора Светлана живо реагировала на то, что происходило с ним, и он решил не разрушать ее представление о себе.

– Скажите, Света, – продолжил беседу он. – А какая у Натальи в последнее время была успеваемость? – Гуров медленно провел по пыльной крышке стола черту, а под чертой так же невозмутимо начал ставить частокोल вопросительных знаков. Он ставил их аккуратно и еле заметно. По крайней мере девушка ни разу не обратила внимания на то, что он скребет ногтями по столу. – За месяц до ее смерти.

Светлана на секунду томно закрыла глаза, напрягая память.

– Знаете, меня недавно выбрали старостой группы, и потому я могу вам сказать точное число ее посещений, – она подняла свою сумочку, раскрыла ее и извлекла общую тетрадь. Быстро полистала ее, без труда обнаружив то, что искала. – За месяц это составило... Вы не поверите, шестнадцать дней. Ее даже один раз вызывали по этому поводу в деканат.

– Да. Ясно, – потерянно вздохнул Гуров. – И все-таки Света, кто, на ваш взгляд, мог это сделать?

Полковник меланхолично убрал слетевшие с горлышка бутылки капли веселящего напитка, невольно угодившие в центр его импровизированной композиции, при этом не выразив и тени раздражения.

– Что «это»?

Светлана жевала резинку. Ей решительно нечего было предположить, и, задумавшись, она принялась не глядя, по одной вырывать малиновые нити, торчавшие из потертого рукава ее майки.

– Кто мог ее убить? – от вопросительных знаков Гуров провел несколько извилистых дорожек, поставив в конце каждой многоточие.

– Я не знаю, что вам ответить, – сказала она, с интересом наблюдая за реакцией Гурова, который не мог поверить, что сидящее перед ним создание ко всему прочему еще и, как выяснилось, староста группы.

Светлана закрыла тетрадь, убрала ее обратно в сумочку, потом с досадой взяла бутылку, сделала еще пару плотков и грохнула ею по столу.

– А вы не торопитесь, подумайте, – спокойно посоветовал Гуров.

– Кто? – уже всерьез задумалась девушка. – Действительно, трудный вопрос, – тихо согласилась она. – Ответьте для начала и вы на мой вопрос, Лев Иванович. Она была под дозой?

– Нет. Насколько мне известно, нет, – ответил полковник. Он снова пододвинулся ближе к столу и облокотился на него так, что тот заскрипел. – Но в тот вечер она употребляла спиртное. Могла ли она употреблять водку с незнакомым человеком?

Гуров выложил на холодную крышку стола рядом с бутылкой свои огромные ладони, словно хотел что-то попросить у Светланы.

– Много?

Волосы девушки были выкрашены в ярко-рыжий цвет, в то время как ее глаза были бездонно-голубыми. Весьма странное сочетание.

Гуров улыбнулся.

– Я с трудом представляю себе, что в вашем понимании много или мало, но по медицинским параметрам выпито было немного, – налюбовавшись на свои бездарные художества, Гуров провел по крышке стола рукой, и они тут же стерлись.

– Это сделали они, – тоном оккультного предсказателя ответила девушка, не оставляя Гурову практически никаких сомнений в правоте ее слов. – Наркоманы эти. Хотели, чтобы она подседа на кокаин. Или на иглу...

Пиво в бутылке пенилось и пузырилось. Для Светланы оно было сейчас единственным удовольствием, доступным за этим столом.

– А теперь последний вопрос. Вернее, даже просьба, – серьезно произнес Гуров. – Постарайтесь со всеми подробностями восстановить в памяти ту вашу встречу на улице и разговор, состоявшийся после этого. Как выглядел этот молодой Мефистофель? Более точно. Чтобы мы могли составить по вашему описанию его фоторобот... И упоминала ли Наташа его имя?

Хлебнув пива, Светлана облизнула губы и по-детски наивно улыбнулась. Потом, прищурив один глаз, наклонила голову и посмотрела сквозь мутное стекло бутылки на Гурова, словно увидела в нем что-то необыкновенное. Когда ей наконец надоело это детское развлечение, она расправила спину, распустила волосы и снова собрала их, закрепив над ухом цветной резинкой.

– Я его видела только один раз. Но Наташа говорила. Точно говорила... Да, я помню. Как же его имя? Черт! Как же она его назвала? Кажется, Сергей... Да, точно! Сергей. А внешность... – неожиданно девушка замолчала, но мысли ее продолжали вертеться вокруг той недавней ситуации. Когда Светлана хотела сказать то, чему она не сразу могла дать словесное определение, она несколько раз крутила в воздухе указательным пальцем, и тогда слова сами собой возникали в ее голове. – Вы знаете, я немного разбираюсь в людях, и скажу вам, что он человек со средствами. Определенно. Его имидж я бы определила как очень хорошо продуманный творческий беспорядок. Он темноволосый, стрижка дорогая, эффект мокрых волос... Тонкий прямой нос, карие глаза, усы, плавно переходящие в маленькую бородку. Возле левого глаза что-то... Кажется, родинка, но точно не скажу. Довольно высокий, где-то метр семьдесят пять. Лицо – удлинённый овал. Да, ровный, удлинённый... Эдакий красавец из женских романов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.